
ГРИГОРИЙ ННЯЗЕВ

Родился в 1990 году. Поэт, филолог. Автор семи поэтических сборников, в том числе книги стихов для взрослых и отчасти для детей «Живые бунвы» (2022). Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Звезда», «Интерпоэзия», «Сибирские огни», «Север» и др. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных премий. Живет в Великом Новгороде. В «Юности» публикуется впервые.

В ЭТУ ТИШЬ ГЛУХОНЕМУЮ

* * *

Почему этот дождь, эта вьюга
Мне диктуют права и слова?
Как же выйти из тесного круга
Обстоятельств?
Так знает плотва
Время нереста, будто ей свыше
Четко сказано: «Новых плоды,
Что бы ни было!»
Слышишь, по крыше
Зарядили все то же дожди?
Неужели парящий мой разум
Столь зависим от календаря,
От погоды?
Он падает наземь
На холодной заре ноября.
Чем я лучше пльвущей той стаи
Листьев-рыб по воздушной реке?
Из привычных оков вы-ра-ста-ю,
Ритм ломаю в судьбе
и в строке!
Обновляясь, меняется зренье –
Раскрывается глаза цветок.
Как в иное нырну измеренье –
В бесконечный поток...

НЕРЕДИЦА

*Художнику-реставратору
Т.А. Ромашкевич*

...Войной был сброшен в яму
Нередицы алтарь –
Живую роспись храму
Вернут, открыв, как встарь.

Так сохранились краски,
Как твердое «Аминь!».
В Багдаде и в Дамаске
Купили эту синь.

Осколки древней фрески,
А в пальцах – трепет, дрожь.
Жить долго – довод веский, –
Пока не соберешь.

Но сколько ни пытаюсь
Всей хваткою ума
Осилить смертный хаос –
Жизнь строится сама.

И да поможет чудо
Найти, как в пазле, стык,
Чтоб каменная груда
Преобразилась в лик.

* * *

В доме, пахнущем небытием,
Без детей – безысходно и глухо.
Одинокую старость вдвоем
Коротают старик и старуха.

Так и вижу себя и тебя
В этих двух, постаревших до срока,
Безнадежно и нежно любя
Жизнь, что есть, – ни горчинки упрека!

Не моя в том, не Божья вина,
Что не выйти из тесного круга.
Нам любовь во смиренье дана –
Чтоб остаться детьми друг для друга.

* * *

Слышишь, как птицы шифруются-прячутся
В кронах черемухи, вязов и лип?
Нечто за «фьюи» и «тьюи» их значитесь,
Если наречие перевели б.

Птичий язык посложнее китайского –
Гулкая дробь или мелкая дрожь...
Их разговора, их пения майского
И с переводчиком не разберешь.

В нотной тетрадошке – грязно ли, чисто ли –
Пишут пернатые, тексты мельчат.
Вязью арабскою выглядят издали
Черные стаи грачей и галчат.

Мне далеко до Франциска Ассизского.
Целые ночи и дни напролет
Почта крылатая голоса близкого
Дальнему голосу музыку шлет.

НА ЗАКАТЕ

Пространства свернута метафора,
Звезда – вращающийся атом,
Чей свет лучится – слаще сахара,
Но с послевкусьем горьковатым.

Догнать бы солнце на окраине –
За дальнею многоэтажкой.
Превозмогая снега таянье,
Птиц покормить бы над Веряжкой.

Лучом прощальным поцелованы
До слез в глаза, и в нос, и губы
И кратким счастьем избалованы –
Как вечера такие любви!

Вдруг передастся чувство жаркое
Деревьям, их влюбленным парам, –
Они, как мы, зеленой аркою
В обнимку встанут над бульваром.

СИНИЧКИ

Орнитологу Андрею Коткину

Как маленькие музыкантши,
Играют-поют на свой лад
Музыку, звучавшую раньше, –
И кружится мир их, крылат.

Тепло им в компании тесной,
Пусть кроны и крыши тесны.
Им пищи хватает небесной –
Дожить бы, душа, до весны!

Вот – алые палые листья,
Рябина для вас на кустах.
Мы трепету и бескорыстью
Могли бы учиться у птах.

Сестрички-синички, недолог
Ваш век и загадочна речь.
Ответит всерьез орнитолог:
«Все сущее – очеловечь!»

А вдруг со своей колокольни,
Голодные, жадные рты,
Мы вам приписали невольно
Прекрасные наши черты?

* * *

И сад, и лес в полнейшем запустении,
Забыли всю былую красоту –
Уснули насмерть, отцвели растения,
Осыпались петунии в цвету.

Трава-осока встала – не колышется,
Не режет детских пальцев, языка.
И ничего не пишется, не слышится,
Лишь в кронах сосен – эхо ветерка.

А дальше – поздней осени распутица,
Дороги, сны – еще немей, черней,
Лишь долго влага ледяная крутится
В подземном лабиринте меж корней.

Да возродится существо великое,
Что лесом или садом я зову,
С садовой и дикой ежевикой,
Опавшей с кустарника – в траву!

* * *

В эту тишь глухонемую,
Что сродни безмолвной рыбе,
В ледяной глуши зимую
У Вселенной на отшибе.
В комнате моей так тихо,
Что закладывает уши,
И дрожит душа-трусиха,
Будто есть смелее души!
Лишь с тяжелых книжных полок
Говорят Толстой и Чехов,
Лишь вдали ночной поселок
Отдается тихим эхом,
Лишь загадочные лица
Там, под стертой амальгамой...
Страшно с тишиною слиться,
Невесомой и упрямой,
Стать зимы безликой частью.
Вдруг лишившись дара речи,
Ты проглочен жадной пастью
Ночи, что чернее печи.
Где ж цивилизаций гомон?
Что ни звук – так плотен-слитен!
Мир, что в городах разломан,
На природе монолитен.
Как же страшно, как же мощно!
Все сильнее во мне тревога.
Если попытаться, можно
Уловить и шепот Бога...

НЕМОТА

...Ну кто мне сказал, что придут они снова
Из царства болотного, мира лесного,
Поднимутся в горы и спустятся с гор,
И, спрятавшись в норы, вдруг глянут из нор?

О, сердце мое, что, увы, бессловесно,
Когда же откроется новая бездна?
Мне тесно. Надежды почти никакой
На свет, что продлю стихотворной строкой...

Устану их ждать – и они постучатся,
Дороже и ближе мне, чем домочадцы,
И станут гурьбой на меня напирать,
Наполнив собой мою жизнь и тетрадь.

Не просто бумажный и буквенный ворох –
Поющие дети мои, без которых
Быть крайним в роду мне: не ставший отцом,
Навек онемею – и дело с концом!

Что были давно и что явятся скоро –
Вы в смутное время оплот и опора:
Не осиротею, с ума не сойду,
Покуда все дую и дую в дуду!